

И. Савкина
**«СВОЯ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖАЯ СРЕДИ СВОИХ»:
 ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ КОДЫ
 В МЕМУАРАХ АЙНО КУУСИНЕН**

doi: 10.30759/1728-9718-2020-4(69)-136-144

УДК 82-94

ББК 84(4Фин)

В статье рассматриваются мемуары «Господь низвергает своих ангелов» Айно Куусинен (1886–1970) — финской коммунистки, жены советского политического деятеля Отто Вилле Куусинена, сотрудницы Коминтерна, резидента советской разведки в Японии, узницы ГУЛАГа, написанные по-немецки в 1965 г. и вышедшие в русском переводе в 1989 г. Адресатом воспоминаний является западная, прежде всего финская, публика, и в этом смысле российский читатель и исследователь выступает в роли «непредвиденного адресата», что создает новые возможности прочтения и понимания текста. В фокусе анализа вопрос о том, как в воспоминаниях конструируется авторское «я», идентичность писательницы в идеологическом, национальном и гендерном аспектах; как соединяется личное и общественно обусловленное в тех идентификационных кодах, которые автор воспоминаний использует, в тех моделях самости, которые мемуаристка описывает в тексте как наиболее для себя значимые. Специфика рассматриваемого эго-документа как источника для изучения советской субъективности, ее генеалогии и морфологии состоит в том, что повествование о событиях советского времени (1920–1950-х гг.) ведется «моральным свидетелем» (А. Ассман), который находится внутри советского пространства, но в то же время пребывает в позиции иного, в ситуации межкультурной трансформации или культурной гибридности. Такая позиция создает оптику отстранения в описании советской жизни, важную для понимания советского субъекта и времени, когда этот субъект формировался.

Ключевые слова: *эго-тексты, воспоминания, адресат мемуаров, Айно Куусинен, идентичность, советская субъективность*

Объектом исследования в этой статье будут воспоминания Айно Куусинен (1886–1970) — финской коммунистки, жены известного советского политического деятеля Отто Вилле Куусинена, сотрудницы Коминтерна, резидента советской разведки в Японии, узницы ГУЛАГа. Мемуары «Господь низвергает своих ангелов» (“Der Gott stürzt seine Engel”) были написаны в 1965 г. по-немецки и изданы после смерти автора в 1972 г. на немецком и финском языках. На русском языке воспоминания были опубликованы в переводе Галины Прошиной в журнале «Север» (1989, № 10–11), а в 1991 г. вышли отдельной книгой в издательстве «Карелия».¹

С тех пор на этот эго-текст неоднократно ссылались историки и псевдоисторики, журналисты разного типа и уровня, черпая из него сведения об Отто Вилле Куусинене, о поли-

тической истории СССР и Финляндии, о Коминтерне и его деятелях, о судьбе финнов, переселившихся в Советский Союз, о Большом терроре и ГУЛАГе, о Сталине и Зиновьеве, о деятельности советской разведки и Рихарде Зорге, о контактах советских властей с Ротшильдами, заговоре масонов и пр. Большинство авторов относится к содержанию мемуаров с доверием: так, например, некоторые разделы книги Антеро Уйтто «“Финноед” Отто Вилле Куусинен» построены на близком к тексту пересказе соответствующих глав из воспоминаний Айно.² Но часть тех, кто использует воспоминания как источник, подвергает их достоверность сомнению на разных основаниях.

Цель данной статьи не в том, чтобы проверить степень фактической точности воспоминаний Айно Куусинен, хотя, конечно, сведения, изложенные автором любых мемуаров, нуждаются в верификации. Но мы хотели бы рассмотреть этот текст как своего рода автобиографию — проанализировать конструкции авторского «я» и показать, как соединяется личное и общественно обусловленное в тех

¹ Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов. Петрозаводск, 1991.

² См.: Уйтто А. «Финноед» Отто Вилле Куусинен. СПб., 2017. С. 121, 122, 163–165, 200–202, 217–219.

идентификационных кодах, которые автор воспоминаний использует, в тех «ролях», моделях самости, которые мемуаристка создает в тексте как наиболее для себя значимые. То, что повествование о событиях советского времени (1920–1950-х гг.) ведется женщиной, которая находилась внутри советского пространства, но пребывала там в позиции *иной*, *иностранки*, в ситуации межкультурной трансформации, создает интересный и специфический фокус для рассмотрения проблемы советской субъективности, ее генеалогии и морфологии.

Но прежде чем перейти к анализу мемуаров, нам хотелось бы ненадолго остановиться на проблемах общетеоретического порядка. Для текстов, подобных избранному для анализа, в настоящее время существует много наименований: от традиционных для филологического дискурса обозначений (мемуарно-автобиографическая проза, автодокументальная литература) и более привычных для историков терминов «личные документы», «источники личного происхождения» до относительно новых дефиниций, таких, например, как «эго-тексты».³ Использование последнего термина маркирует (или должно маркировать) не приверженность к модным лингвистическим кунштюкам, а принадлежность к тем научным направлениям и примыкающим к ним исследователям, которые, как пишет историк Ю. Зарецкий, «осознав, что тексты не дают прямого доступа к исторической действительности, стали спрашивать о другом: не “как было на самом деле”, а что они говорят нам о восприятии исторической действительности современниками»,⁴ то есть стали задавать текстам не вопрос о том, «что они говорят», но о том, «как они это делают и почему так, а не иначе».⁵ Такой подход к изучению эго-текстов требует обязательной междисциплинарности, соединения методов социологического, культурологического и филологического анализов.

В филологической традиции вышеобозначенный сдвиг в обсуждении эго-текстов произошел уже во второй половине прошлого века, когда вектор исследовательского инте-

реса постепенно смещался от *bio* к *auto*, потом к *graphy* в работах Ж. Гусдорфа (G. Gusdorf), Э. Брюс (E. W. Bruss), Ф. Лежена (P. Lejaune), Д. Олни (J. Olney) и др.⁶ Одной из ключевых оказалась проблема автора/нарратора/автора эго-текста и его адресата. Обращаясь к исследованию такого рода литературы, важно задать вопросы, которые Ш. Фельман формулирует с позиции пишущего текст: «Для кого мы пишем? Кем мы хотим быть прочитанными? Кем мы боимся быть прочитанными? Кому мы доверяем знать, как читать наше произведение? Кто нужен нам, чтобы помочь ухватить правду, которая лежит, ожидая (нас или других), в нашей истории, но которую в одиночку у нас нет сил уловить? Кто может помочь нам или кто даст возможность нам пережить нашу историю? Кто наш внутренний свидетель? Кто наш внешний свидетель? Кто наш добровольный свидетель? Кто наш неумышленный свидетель?»⁷

Айно Куусинен написала воспоминания «Господь низвергает своих ангелов» по-немецки практически сразу после того, как ей удалось в феврале 1965 г. уехать из СССР, но завещала опубликовать только после своей смерти. Ее воспоминания субъективны, как любые мемуары, написанные всегда с некоторой, чаще неосознанной, целью. Намерение же Куусинен вполне осознано и ясно сформулировано: ее записки — это свидетельство выжившей, способ «отомстить тем, кто отнял у меня свободу».⁸ То есть она выступает, по классификации А. Ассман, с позиции «морального свидетеля», который соединяет в себе роли жертвы и очевидца.⁹

Появление текста Айно Куусинен в русском переводе в 1989 г. в журнале «Север» было вызвано, конечно, тем, что на волне перестроечной «гласности» появилась возможность говорить о болезненных проблемах советской истории и о неоднозначных политических фигурах, среди которых личность О. В. Куусинена была особенно важна и интересна для Карелии. Имя этого члена Коминтерна, главы «Терийокского правительства» во время советско-

³ См.: Зарецкий Ю. П. История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2012. № 3 (83). С. 218–232; Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (Вместо предисловия) // История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 6–13.

⁴ Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: теория, история, историография. М., 2011. С. 44.

⁵ Там же.

⁶ См.: Савкина И. Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007. С. 24–40.

⁷ Felman S. What does a women want? Reading and sexual difference. Baltimore; London, 1993. P. 130, 131.

⁸ Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов. Петрозаводск, 1991. С. 7. В дальнейшем все цитаты из этого произведения по данному изданию идут с указанием страницы в тексте.

⁹ См.: Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 93.

финской войны, видного идеолога и теоретика марксизма-ленинизма хрущевских времен, похороненного в 1964 г. у Кремлевской стены, после его смерти было присвоено Петрозаводскому университету, а на набережной Онежского озера с 1973 г. возвышался гранитный памятник, прозванный в народе «рыбнадзором». Имя же мемуаристки Айно Куусинен, в девичестве Туртиайнен, в первом браке Сарола, мало кому было известно. Издание ее мемуаров на русском языке предварялось предисловием д.и.н. Ф. И. Фирсова, который представлял читателю автора, ссылаясь на автобиографию Айно, написанную в конце 1920-х гг. В ней много говорится о том, что с юности девушка придерживалась социалистических убеждений, участвовала в событиях неудавшейся финской революции и гражданской войны на стороне красных; четверо ее братьев пострадали во время белого террора и трое из них погибли. Айно с мужем скрывали на своей квартире одного из руководителей финской компартии О. В. Куусинена. «В июне 1921 года, пройдя пешком 300 верст, Айно Сарола... через Карелию прибыла в Советскую Россию», — пишет Ф. И. Фирсов.¹⁰

В мемуарах же, о которых пойдет речь, многие эпизоды собственной истории изложены А. Куусинен совсем иначе. И, как уже говорилось, нам в этой статье представляется важным сосредоточиться прежде всего на вопросах, как они рассказаны и *почему именно так*.

На первый взгляд, Айно пишет именно о событиях и лицах, а не о себе, она свидетельствует, а не описывает персональную историю и собственные переживания, ее эго в этом тексте скрыто. Но любые мемуары всегда одновременно и автобиография, и автопризнание, и автоудостоверение. Если автор не занимается прямыми самоописаниями и саморефлексией, то в любом случае в ходе повествования он/она фиксирует, называет свою принадлежность к определенной общности и одновременно обсуждает ее, обозначая и конструируя таким образом ключевые для себя коды идентификации. Он/она переоценивает ранее сформированные идентичности¹¹ в длящемся и противоречивом процессе нарративной самоидентификации. Как пишет А. Ассман,

«“Мы” — группы, к которым принадлежит человек по рождению или по выбору»,¹² «конструируют специфическую форму памяти. “Мы” — память семьи, соседей, поколения, общества, нации, культуры. Не всегда легко определить, где кончается одна формация памяти и начинается другая, ибо их отдельные элементы совмещаются в конкретном человеке, перемешиваются в нем и наслаиваются друг на друга».¹³

Какие «мы»-группы в мемуарах А. Куусинен изображаются как свои по рождению или по выбору? Принадлежность к каким общностям она фиксирует и подчеркивает? Кто для нее «мы», а кто «они» — иные, чужие, чуждые?

Пытаясь найти в мемуарах ответы на эти вопросы, мы сразу видим принципиальные отличия от истории, изложенной Ф. И. Фирсовым в предисловии, опирающемся на официальную автобиографию А. Куусинен конца 1920-х гг.

Айно Куусинен — коммунистка и деятельница Коминтерна, и все, что происходит в ее жизни, именно этим и мотивировано, однако, как ни странно, идеологическая принадлежность рассказчицы в мемуарах не акцентируется; в тексте даже нигде не сказано, была ли она членом РКП(б): мемуаристка последовательно старается описывать коммунистический Советский Союз со стороны, глазами посторонней, не принадлежащей к общности коммунистов и советскому коллективу. Так повествовательница редуцирует предысторию своей жизни до попадания в СССР: она не говорит о гражданской войне в Финляндии, о трагедии красных финнов и судьбе трех своих братьев — жертв белого террора. Упоминаний о них нет вообще, зато подробно рассказана история младшего брата — Вейно, который оказался в СССР и стал жертвой сталинского режима. Ни про какие тяжелые многоверстовые пешие походы через карельскую границу нет и речи — попадание в СССР описывается как цепь случайностей, следствие ее склонности к авантюрам и любви к Отто Куусинену, который выступает в роли рока античной трагедии. Эпизод, когда их с первым мужем попросили приютить на ночь скрывающегося от властей Куусинена, начинается словами «Однажды *судьба постучала* к нам» (7) (курсив здесь и в дальнейших цитатах наш — И. С.). Потом рассказывается, что, собираясь

¹⁰ Фирсов Ф. И. Предисловие // Куусинен А. Указ. соч. С. 5.

¹¹ О понятиях идентичности и нарративной идентичности см.: Рождественская Е. Ю. Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 30. С. 5–26.

¹² Ассман А. Указ. соч. С. 17.

¹³ Там же. С. 19.

открыть частную больницу, она поехала в Швецию, волею судеб оказалась в Берлине. «*Неожиданный случай* повернул мою жизнь в другую колею» (9), потому что там совершенно случайно она столкнулась с другом Отто Юрье Сирола. Он подыскивал людей для работы в Коминтерне. «*Полушутя*, он предложил мне возвращаться в Финляндию через Москву <...>. В каком-то *приступе легкомыслия* я согласилась» (9). Сирола показал ей целые мешки с царскими деньгами, которые Куусинен послал обменять на западную валюту для нужд коммунистов в Европе. До этого, во время первой встречи с Айно, Куусинен «вынул из жилетного кармана четыре больших бриллианта» (8) — на дорожные расходы. Она осознала, «насколько влиятельным человеком был Куусинен в Москве» (9), и решила (полушутя) сыграть в эту игру.

Прибыв «после долгого скучного путешествия по железной дороге» (10) в Москву в 1922 г., она становится сотрудницей Коминтерна, несмотря на то что последний оказался ей похожим на «шумный оживленный вокзал» (10). Объясняя, почему она не вернулась в Финляндию, Айно обвиняет советскую бюрократию, которая помешала ей законным путем получить выездную визу, и приехавшего из командировки харизматичного Куусинена, после новой встречи с которым, как пишет мемуаристка, «о возвращении я забыла. Теперь я знала, что приехала ради него» (10). Таким образом, переезд в СССР изображается как цепь случайностей, легкомыслия и роковой любви, а не идеологический выбор.

Когда мемуаристка в 1930 г. едет по поручению Коминтерна в командировку в Америку, чтобы уладить конфликт американской компартии и финского рабочего союза, она описывает свою деятельность там не в качестве коммунистического агента, а в качестве некоего волонтера, защищающего интересы финнов. Главный сюжет американской главы — рассказ о том, как, поддавшись агитации, американские финны, распродав все, ехали в СССР строить социализм (и позже в большинстве своем, потеряв привезенное имущество, погибли во время сталинских репрессий). Себя Куусинен из числа агитаторов исключает. «Но я-то знала, что все это переселение кончится страшной трагедией..., я знала, что в Карелии голод... Как мне хотелось сказать во всеуслышанье об опасности этого предприятия... Но в моем положении это было затруднительно.

Раза два я все же пыталась предостеречь моих друзей» (49), но они к этим предупреждениям не прислушались. Точно так же, описывая пребывание в Японии в качестве законспирированного агента ГПУ, она рассказывает о своей интересной японской жизни совершенно вне всякого идеологического контекста. В главах, посвященных пребыванию в советской тюрьме и ГУЛАГе, она изображает себя врагом коммунистов: и с точки зрения тюремщиков, и по своему внутреннему убеждению.

Таким образом, несмотря на то что мемуары появились как свидетельство человека, видевшего жизнь советских коммунистов изнутри и принимавшего в ней активное участие, идеологическая (коммунистическая, советская) идентичность как бы деконструирована в воспоминаниях или, вернее, перекодирована: повествовательница-героиня изображается как чужая среди «своих», или, говоря современным языком, как своего рода «попаданец» в чужое и даже чуждое для нее пространство — и в этом, как мы можем предположить, мемуаристка видит ценность и объективность своей позиции. Будучи частью советской жизни и советской коммунистической элиты в реальности, Айно пытается отделить себя от коммунистического советского коллектива нарративно. Советские коммунисты, к которым принадлежит Отто Куусинен, Сталин, Зиновьев, Радек, другие деятели Коминтерна, изображенные ею зло и иронически, — это *они*, а не *мы*.

Советская субъектность или субъективность, описанная С. Коткиным, И. Халфиным, Й. Хелльбеком¹⁴ и др.,¹⁵ которая строится на причастности к уникальному историческому проекту и советскому социальному эксперименту (как бы авторы эго-текстов к этому эксперименту ни относились), деконструируется позицией «морального свидетеля» — не только очевидца, но и жертвы. Причастность к коммунистическому «мы» описывается как невольная: это не «мы» по выбору, а «мы» по принуждению, по стечению обстоятельств, это выбор судьбы, а не субъекта. Автогероиня рассматриваемых мемуаров должна лицемерно

¹⁴ См.: Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995; Halfin I., Hellbeck J. *Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's "Magnetic Mountain" and the State of Soviet Historical Studies // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Vol. 44, № 3. P. 456–463; Хелльбек Й. *Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи*. М., 2017.

¹⁵ Обзор работ о советской субъективности/субъектности см.: Пинский А. *Предисловие // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985)*. СПб., 2018. С. 10–16.

изображать советского человека, чтобы выжить и сохранить персональную свободу.¹⁶ Легитимация такой позиции происходит за счет того, что в ее изображении лицемерят практически все «настоящие коммунисты», по крайней мере деятели Коминтерна. В этом смысле она одна из них, но ее отличает и оправдывает то, что в обратной временной перспективе воспоминаний в ее случае лицемерие оказывается способом выжить и стать моральным свидетелем. Но если Айно Куусинен не определяет себя как коммунистку, то кто же она, какая идентичность для нее важна, кто для нее *свои*?

В мемуарах три момента акцентированы: два сознательно и один, возможно, неосознанно. Речь идет о кодах, связанных с национальной и гендерной составляющей идентичности. Если идеологическая, советская идентичность, принадлежность к «мы» коммунистов оказывается вынужденно разделенной, а не выбранной, то принадлежность к национальной общности, к финнам, казалось бы, данная по рождению, во многом изображается как сознательный выбор, который можно назвать даже вызывающим в контексте идей пролетарского интернационализма, зафиксированных в названии Коминтерна — институции, где мемуаристка первоначально служит.

Айно Куусинен последовательно и декларативно подчеркивает на всем протяжении текста воспоминаний, что она финка и патриот Финляндии, в этом смысле, конечно, «отмытая» от фамилии Куусинен, потому что за Отто Вилле в Финляндии закрепилось определение «предатель нации, враг своего народа», «финноед Куусинен», как однажды в шутку назвал его В. И. Ленин. Везде, где только можно, мемуаристка пишет о финнах и их судьбах в СССР, как правило, очень положительно (за исключением О. Куусинена). Рассказывая о своем пребывании в ГУЛАГе, она говорит прежде всего о судьбах встреченных там финнов, стараясь назвать их поименно, об их мужестве, стойкости, взаимовыручке. Вспоминая рассказ молодого литовца в 1940 г. в лагере Воркута-Вом, мемуаристка замечает: «...несмотря на мое мрачное настроение, сердце мое исполнилось благодарностью и гордостью» (91). «Во всех странах на всех языках превозносят смелость и патриотизм финнов. О Финляндии те-

перь знают даже в тех местах, где раньше о ней никогда не слышали», — пересказывает она слова собеседника (91). «В этих бесчеловечных условиях чужбины тоска по родине мучила почти всех», (99) — пишет мемуаристка, включая себя в число тоскующих на чужбине.

Принципиально важным является один эпизод. В 1935 г., по версии мемуаристки, Отто Куусинен сообщает ей о плане Сталина сделать Айно послом в Швеции и Норвегии вместо ненадежной троцкистки Коллонтай, рисуя перед ней выгоды открывающейся карьеры. В ответ Айно, согласно ее мемуарам, говорит: «Теперь мне все ясно. СССР начнет войну против Финляндии, а я как посол в Стокгольме должна помогать этой авантюре, должна идти против моей родины и ее народа. Нет, спасибо, я с этим не хочу иметь ничего общего. Объясняй это Сталину как хочешь» (63). Она готова навлечь на себя гнев Сталина за право остаться верной Финляндии. Практически она изображает здесь свой выбор в ситуации «предать Финляндию или умереть». Для нее здесь и везде в тексте финны — «мой народ», а Финляндия — «моя родина». В этом смысле ее мемуары — это своего рода «анти-Куусинен». Отто Вилле в ее изображении человек наполеоновского склада, серый кардинал, который был «логосом» Сталина (125), писал речи за Хрущева и наслаждался безграничной властью втайне, оставаясь не на виду. По мнению Айно, Куусинен совсем не был пламенным коммунистом и частью советского «мы», которое он сам же конструировал и пропагандировал как идеолог. С ее точки зрения, Отто был абсолютно равнодушен и к идеям коммунизма, и к рабочим, и к своей родине, и к судьбам конкретных людей. «Главное в этом человеке — то, что он ненавидел, а не то, что любил» (127). «О Финляндии Куусинен говорил всегда с ненавистью, не любил даже свой язык» (128). Но, в определенном смысле противореча себе, мемуаристка утверждает, что главной целью Куусинена было покорить Финляндию. «Его в сущности мало интересовал Советский Союз. Строя свои тайные планы, он не думал о благе России. И даже не мечтал о победе коммунизма. Нет, этот чужак имел лишь одну цель: пройти победным маршем по земле своей родины» (128). И она сама, и Отто в тексте Айно Куусинен — чужаки, инородцы, иностранцы в Советском Союзе, но Отто чужой и для Финляндии, в то время как она прежде всего и всегда финка. Ей дает силы выжить в стане

¹⁶ О лицемерии как способе, инструменте создания индивидуального «я» в советском обществе см.: Хархордин О. В. Обличать и лицемерить. Генезисология российской личности. СПб.: М., 2002. С. 347–362.

чужих любовь к Финляндии, тогда как Отто — ненависть к своей родине. Это «мы»-финны соединяет ее с адресатами, которые мыслятся не просто как западные читатели, но прежде всего как финны. При этом Айно идентифицирует себя в нарративе именно как финскую женщину, *финку*. В СССР она (до тюрьмы) оказывается в мужском мире, но при любой возможности подробно говорит о встречающихся на ее пути женщинах, например об А. Коллонтай и Е. Стасовой. Тюремные страницы воспоминаний — это женский мартиролог. В рассказе о сокамерницах и солагерницах можно видеть признаки групповой разделенной гендерной идентичности, характерной, по мнению некоторых исследователей, для женских автобиографических повествований.¹⁷ Собственная судьба мемуаристки, которую она сознательно строит с юности, — это судьба самостоятельной, решительной, свободной внутренне¹⁸ финской женщины. «Я страстно мечтала о более насыщенной жизни, чем жизнь домашней хозяйки» (8), — пишет она на первых страницах воспоминаний. Рассказывая об ужасах сталинской тюрьмы, она подчеркивает, что даже палачи должны были признать ее стойкость, ум и несгибаемость: «Никогда в жизни мне не попадалась такая бесстыдная и упрямая баба... Это не женщина, а дьявол» (75), — говорит допрашивавший ее 89 часов садист-следователь. Выйдя на свободу после второй отсидки в Потьме, Айно отказывается обращаться за помощью к нелюбимому мужу, на которого, впрочем, не дала показаний, несмотря на угрозы и соблазны сотрудников НКВД. На совет вернуться к мужу она отвечает: «Я самостоятельная женщина и хочу строить свою жизнь сама» (118).

Все вышесказанное заставляет задуматься над тем, можем ли мы игнорировать гендерную составляющую, говоря о жанре произведения. Другими словами, нужно ли говорить об этом произведении как о *женском* мемуарно-автобиографическом тексте?¹⁹ Одним из харак-

терных свойств женского автотекста исследователи называли модель построения собственной идентичности через значимых других, идентификацию через различия (*identity by way of alterity*).²⁰ Как писала исследовательница женской автобиографии Ю. Ватсон, «...метонимия имплицитной для женской автобиографии стратегии дружости — представления Я через модели других — на самом деле в меньшей степени замена, замещение (*substitution*), а в большей степени — построение (*constitution*) автобиографического Я».²¹ В тексте Айно Куусинен можно видеть безусловно важную и значимую фигуру такого *другого*, в сопоставлении с которым и в отталкивании от которого она конструирует свою идентичность. Разумеется, речь идет об Отто Вилле Куусинене. Конечно, Айно хочет рассказать известную ей правду о Куусинене, разоблачить его и, может быть, отомстить ему за предательство. Но одновременно О. В. Куусинен — это тот *другой*, с помощью которого она может рассказать о себе, не делая себя главным субъектом интереса, оставаясь «в тени другого», как выражается Ю. Ватсон. Они с мужем оба — финны-чужаки и лицемерные коммунисты в стране Советов, но эта относительная общность еще больше высвечивает различия, о которых уже говорилось выше и к которым надо добавить еще одно: несмотря на свое привилегированное в социальном и гендерном смысле положение, Отто Куусинен в изображении мемуаристки — осторожный трус, который никогда не смел быть собой, а она — свободная финская женщина, нашедшая способ реализовать свои амбиции и свою внутреннюю свободу даже в ситуации ограниченного выбора. Стойкая несгибаемая финка, горячо любящая свою страну, помогающая своим, умеющая проявить выдержку и самодисциплину в любых условиях, самостоятельная и активная современная женщина — вот та идентичность, которую А. Куусинен конструирует в своем нарративе и которая, несомненно, имеет много общего с той моделью новой советской женщины, которую воспевала советская пропаганда.²²

¹⁷ См.: Friedman S. S. *Women's Autobiographical Selves: Theory and Practice // The Private Self: Theory and Practice of Women's Autobiographical Writings*. London, 1988. P. 40.

¹⁸ Здесь можно увидеть противоречие: говоря о себе как о коммунистке, она изображает себя как жертву стечения обстоятельств, но изображая себя как «новую финскую женщину», она говорит о себе как об активном акторе, самостоятельно делающем выборы.

¹⁹ Обзор женских мемуарно-автобиографических практик см.: Smith S., Watson J. Introduction: Situating Subjectivity in Women's Autobiographical Practices // *Women, Autobiography, Theory: A Reader*. Madison (Wis.), 1998. P. 3–52.

²⁰ См.: Mason M. G. *The Other Voice: Autobiographies of Women Writers // Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton; New Jersey, 1980. P. 210.

²¹ Watson J. *Shadowed Presence: Modern Women Writers' Autobiographies and the Other // Studies in Autobiography*. New York; Oxford, 1988. P. 182.

²² О новой советской женщине и ее конструировании в культуре и медиа см., напр.: Attwood L. *The new Soviet man and woman: sex-role socialization in the USSR*. London, 1990.

Но говоря о гендерной идентичности и выборе себя, нельзя не обратить внимания и на другой аспект, связанный с конструкциями женственности, которые изображаются в воспоминаниях как подходящие для героини. Наряду с описанной выше моделью целеустремленной, самостоятельной, общественно активной женщины в тексте, очевидно, присутствует и еще одна, во многом противоположная, модель женственности, воплощенная в образе роскошной женщины, избалованной красавицы, авантюристки, любительницы удобной и красивой жизни. Где бы Айно Куусинен ни оказывалась, она фиксирует черты, связанные с богатством, комфортом, с привилегией жить на широкую ногу, вкусно есть, хорошо одеваться, путешествовать и т. п., или, наоборот, отмечает грязь, убогость, некомфортность. Даже в описании первой встречи с Отто она не забывает упомянуть о бриллиантах, которые тот жестом фокусника достает из карманов. На даче, куда ее поселили по приезде в СССР и где жили родители Льва Троцкого, «было немало прислуги, прекрасная кухарка, и в доме было все, чего только можно пожелать» (9). Описывая жизнь советской элиты, к которой она принадлежала, Куусинен пишет: «Ежегодно мы получали от бесклассового общества новую машину, разумеется, бесплатно; мы имели квартиру, дачу, шофера, домашнюю прислугу — тоже совершенно бесплатно» (11). Отпуска проводили на Кавказе — «уединенно жили на даче в красивом тенистом парке» (12) и т. п. Конечно, подобные пассажи призваны разоблачить лицемерие советских коммунистов и отсутствие равноправия в стране «равных возможностей». Но нельзя не заметить частотность таких упоминаний и то несомненное удовольствие, с которым Айно описывает подробности и детали хорошего и удобного быта. Особенно в этом смысле интересна глава четвертая «Япония — страна улыбок», где описывается, как в качестве законспирированного агента советской разведки под именем Элизабет Ханссон она провела два совершенно счастливых и беззаботных года в Японии.

По версии мемуаристки, генерал Берзин из военной разведки, где искали людей со знанием иностранных языков, сказал ей: «Не беспокойтесь. Мы вам разведздания не дадим. В Японии можете устраивать жизнь по своему усмотрению, учите японский и вообще знакомьтесь со страной. Мы будем вас финан-

сировать, отчитываться будете передо мной» (55). Далее выполнение разведздания описывается следующим образом: «Моя работа началась с четырехнедельного отпуска в Кисловодске» (55); «Денег на дорогу мне дали в избытке... около недели я пробыла в Вене и Париже, там обновила свой гардероб» (55); «Я села на пароход “Конте Верде” в Венеции 26 июля и началось чудесное путешествие в каюте первого класса». Описываются путевые впечатления от Бомбея, Цейлона, Гонконга, милые попугайчики, отговорившие останавливаться в Шанхае в гостинице, в которой было приказано, и рекомендовавшие другой первоклассный отель. «Я сняла там номер в надежде, что связной меня найдет» (57). «И вот я в “Империале”, началась моя жизнь в Японии — счастливое время! Жаль, что два года, которые мне суждено было там провести, пролетели так быстро» (58).

Описание жизни в Японии представляет собой смесь путевых заметок и шпионского романа. И если японское высшее общество описывается с нескрываемой симпатией, то герои шпионского сюжета — советские резиденты, которые в основном передают ей деньги на безбедную жизнь, все как один непрофессиональны, неуклюжи или (как умный и проницательный Зорге) перманентно пьяны.

Кажется, именно в образе богатой женщины без определенных занятий Айно Куусинен чувствует себя счастливой, и имидж Элизабет Ханссон — эта та модель идентичности, которая подходит ей больше всего. Интересно отметить, что в японской главе ни разу упоминается и о тоске по Финляндии. Роль, которую Айно в качестве шпионки должна играть, притворяясь «богатой шведской журналисткой», которая пишет книгу об Японии, куда ей разрешено вставить и ряд антисоветских пассажей, оказывается способом свободно продемонстрировать «подлинное лицо», те составляющие гендерной и социальной (буржуазной) идентичности, которые были табуированы для финской коммунистки и представительницы советской элиты.

Однако выражение «подлинное лицо» недаром взято в кавычки. Образ «я», который конструируется в воспоминаниях Айно Куусинен, лишен непротиворечивой целостности, он фрагментарен и динамичен. Культуролог С. Смит, говоря об автобиографических текстах, отмечает, что нарративное «я» не является «целостным и существующим до начала акта

письма — оно все время находится в процессе становления, ситуативного “разыгрывания”, в котором большое значение имеет не только субъективное намерение и желание автора, но и воздействие существующих в данном социуме и культуре дискурсов идентичности»,²³ тесно связанных с выбранным адресатом текста, «публикой». Для Аино Куусинен адресатом, как уже говорилось, были читатели Запада и прежде всего Финляндии, перед которыми она хотела, как моральный свидетель, очевидец и жертва, разоблачить сталинский режим, его вождей и лично Отто Вилле Куусинена. В этом смысле русские читатели являются для этого текста «непредвиденными адресатами», для которых, возможно, имеют смысл несколько иные дискурсы идентичности и правды, чем для той публики, к которой Аино Куусинен непосредственно обращалась.

Вероятно, для русского читателя некоторые идентификационные коды в мемуарах Аино Куусинен остаются нерасшифрованными или даже не замеченными. Но, с другой стороны, российскому непредвиденному адресату хорошо заметно, как сложно и противоречиво образ «я», создаваемый в мемуарах Куусинен, вписывается в проблематику «советской субъективности». Позиция Куусинен маргинальна (она иностранка и женщина), что позволяет ей посмотреть на изображаемое критически и избирательно, но, с другой стороны, она активный участник советского проекта и представитель советской элиты, что не позволяет воспринимать ее в качестве невинной жертвы режима. Произведение Куусинен, как любой мемуарный текст, не собрание правдивых фактов о времени и о себе, а только версия, где увиденное и пережитое интерпретировано исходя из того, зачем и для кого автор пишет. Сравнение этого текста с другими женскими воспоминаниями о сталинском времени и ГУЛАГе, а также корректировка нарисованного Куусинен автопортрета разного рода свидетельствами о ней других людей и архивными документами, конечно, позволили бы создать более ясное представление об авторе и границах ее опыта. Но целью данной статьи была попытка понять, как автор мемуаров конструирует собственную идентичность в мемуарном нарративе, как она определяет для себя те «мы», для которых эти дискурсы идентичности и правды имеют смысл. Без этого понимания невозможно решить, что можно и нужно искать в данном тексте, а чего заведомо не стоит. Однако в любом случае тот расколотый, противоречивый, фрагментарный, вызывающий сочувствие и недоверие образ «я», который создается в мемуарах «Господь низвергает своих ангелов», позволяет усложнить и уточнить наши представления о советском субъекте.

Irina L. Savkina

PhD, Candidat of Philological Sciences, University of Tampere (Finland, Tampere)

E-mail: *irina.savkina@tuni.fi*

“AT HOME AMONG STRANGERS, A STRANGER AMONG HIS OWN”: IDENTIFICATION CODES IN THE MEMOIRS OF AINO KUUSINEN

The article discusses the memoirs “The Lord Deposes his Angels” by Aino Kuusinen in the context of the study of genealogy and morphology of Soviet subjectivity. In the Soviet historiography Aino Kuusinen (1886–1970) is known as the wife of the prominent Finnish communist and Soviet politician Otto Ville Kuusinen and as the Comintern staff member. In the middle of 1930s she moved to Japan, where she was supposedly involved in espionage activities for the Soviet Union. From Japan, Kuusinen was summoned to Moscow where she was arrested in 1938 and was in prison until 1955. In 1965, Aino Kuusinen emigrated from the Soviet Union, and wrote her memoirs in German. The first Russian translation was published in 1989. The main addressee of Kuusinen’s memoirs was a Western, primarily Finnish, reader, and in that sense, both a Russian reader and a researcher act as an “unforeseen addressee”, what creates new opportunities for reading and interpretation. The article analyses the main principles of the construction of the author’s “I”, of her identity in ideological, ethnical and gender aspects; how the personal and the socially determined are combined in the identification codes, approved by the author, and in the models of self, constructed in the text as the most notable for the author. The main distinctive feature of Kuusinen’s memoirs as the ego-document is as follows: the narrative of the events of the Soviet epoch (1920–1950s) is presented

²³ Smith S. Performativity, Autobiographical Practice, Resistance // *Women, Autobiography, Theory: A Reader*. Madison (Wis.), 1998. P. 109.

by “a moral witness (A. Assman), who was inside the Soviet space, but at the same time was in the position of an other; who was in a situation of intercultural transformation or cultural hybridity. This position creates the optics of detachment in describing Soviet life, which is important for understanding the Soviet subject and the time when this subject was formed.

Keywords: *Ego texts, memoirs, addressee of memoirs, Aino Kuusinen, identity, Soviet subjectivity*

REFERENCES

- Assman A. *Dlinnaia ten' proshlogo. Memorial'naiia kul'tura i istoricheskaia politika* [The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics]. Moscow: NLO Publ., 2014. (in Russ.).
- Attwood L. *The new Soviet man and woman: sex-role socialization in the USSR*. London: Palgrave Macmillan, 1990. DOI: 10.1007/978-1-349-21030-5 (in English).
- Felman S. *What does a women want? Reading and sexual difference*. Baltimore; London: The Jones Hopkins University Press, 1993. (in English).
- Firsov F. I. [Introduction]. *Kuusinen A. Gospod' nizvergaet svoikh angelov* [Kuusinen A. The Lord Deposits his Angels]. Petrozavodsk: Kareliya Publ., 1991, pp. 2–6. (in Russ.).
- Friedman S. S. Women's Autobiographical Selves: Theory and Practice. *The Private Self: Theory and Practice of Women's Autobiographical Writings*. London: Routledge, 1988, pp. 34–62. (in English).
- Halfin I., Hellbeck J. Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's “Magnetic Mountain” and the State of Soviet Historical Studies. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1996, vol. 44, no. 3, pp. 456–463. (in English).
- Hellbeck J. *Revolutsiia ot pervogo litsa: dnevniki stalinskoy epokhi* [Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin]. Moscow: NLO Publ., 2017. (in Russ.).
- Kharkhordin O. V. *Oblichat' i litsemerit'. Genealogiia rossiiskoi lichnosti* [To unmask and dissemble. A Genealogy of the Russian Personality]. Saint Petersburg; Moscow: Evropeiskiy universitet; Letnii sad Publ., 2002, pp. 347–362. (in Russ.).
- Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995. (in English).
- Mason M. G. The Other Voice: Autobiographies of Women Writers. *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1980, pp. 207–235. (in English).
- Pinskiy A. [Introduction]. *Posle Stalina: pozdnesovetskaia subektivnost' (1953–1985)* [After Stalin: Subjectivity in the Late Soviet Union, 1953–1985]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2018, pp. 10–16. (in Russ.).
- Rozhdestvenskaia E. Yu. [Narrative identity in an autobiographical interview]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (4M)], 2010, no. 30, pp. 5–26. (in Russ.).
- Savkina I. L. *Razgovory s zerkalom i Zazerkal'em: Avtodokumental'nye zhenskie teksty v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka* [Conversations with the mirror and the World behind the Looking-glass: Auto-documentary women's texts in the Russian literature of the first half of the 19th century]. Moscow: NLO Publ., 2007. (in Russ.).
- Smith S. Performativity, Autobiographical Practice, Resistance. *Women, Autobiography, Theory: A Reader*. Madison (Wis.): University of Wisconsin Press, 1998, pp. 108–115. (in English).
- Smith S., Watson J. Introduction: Situating Subjectivity in Women's Autobiographical Practices. *Women, Autobiography, Theory: A Reader*. Madison (Wis.): University of Wisconsin Press, 1998, pp. 3–52. (in English).
- Surzhikova N. V. [Ego-documents: intellectual fashion or conscious need? (Instead of Introduction)]. *Istoriia v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki* [History in Ego Documents: Research and Sources]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo “ASPUr” Publ., 2014, pp. 6–13. (in Russ.).
- Uitto A. “Finnoed” *Otto Ville Kuusinen* [Otto Ville Kuusinen: The one who “eats” Finns]. Saint Petersburg: Giol' Publ., 2017. (in Russ.).
- Watson J. Shadowed presence: modern women writers' autobiographies and the other. *Studies in Autobiography*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1988, pp. 180–189. (in English).
- Zaretskiy Yu. P. [The history of subjectivity and the history of autobiography: important updates]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ. Debates about politics and culture], 2012, no. 3 (83), pp. 218–232. (in Russ.).
- Zaretskiy Yu. P. *Strategii ponimaniia proshlogo: Teoriia, istoriia, istoriografiia* [Strategies for understanding the past: Theory, history, historiography]. Moscow: NLO Publ., 2011. (in Russ.).